

В. В. Огарков
Демидовы. Их жизнь и деятельность
Серия «Жизнь замечательных людей»

предоставлено правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=175648

Аннотация

Эти биографические очерки были изданы около ста лет назад в серии «Жизнь замечательных людей», осуществленной Ф.Ф.Павленковым (1839-1900). Написанные в новом для того времени жанре поэтической хроники и историко-культурного исследования, эти тексты сохраняют ценность и по сей день. Писавшиеся «для простых людей», для российской провинции, сегодня они могут быть рекомендованы отнюдь не только библиофилам, но самой широкой читательской аудитории: и тем, кто совсем не искушен в истории и психологии великих людей, и тем, для кого эти предметы – профессия.

Содержание

Предисловие	5
Глава I. Петр Великий и тульские кузнецы	7
Глава II. Урал и его пионеры	12
Конец ознакомительного фрагмента.	17

В. В. Огарков
Демидовы
Их жизнь и деятельность
Биографический очерк
С портретом Акинфия Демидова,
гравированным в Лейпциге
Геданом, и другими иллюстрациями

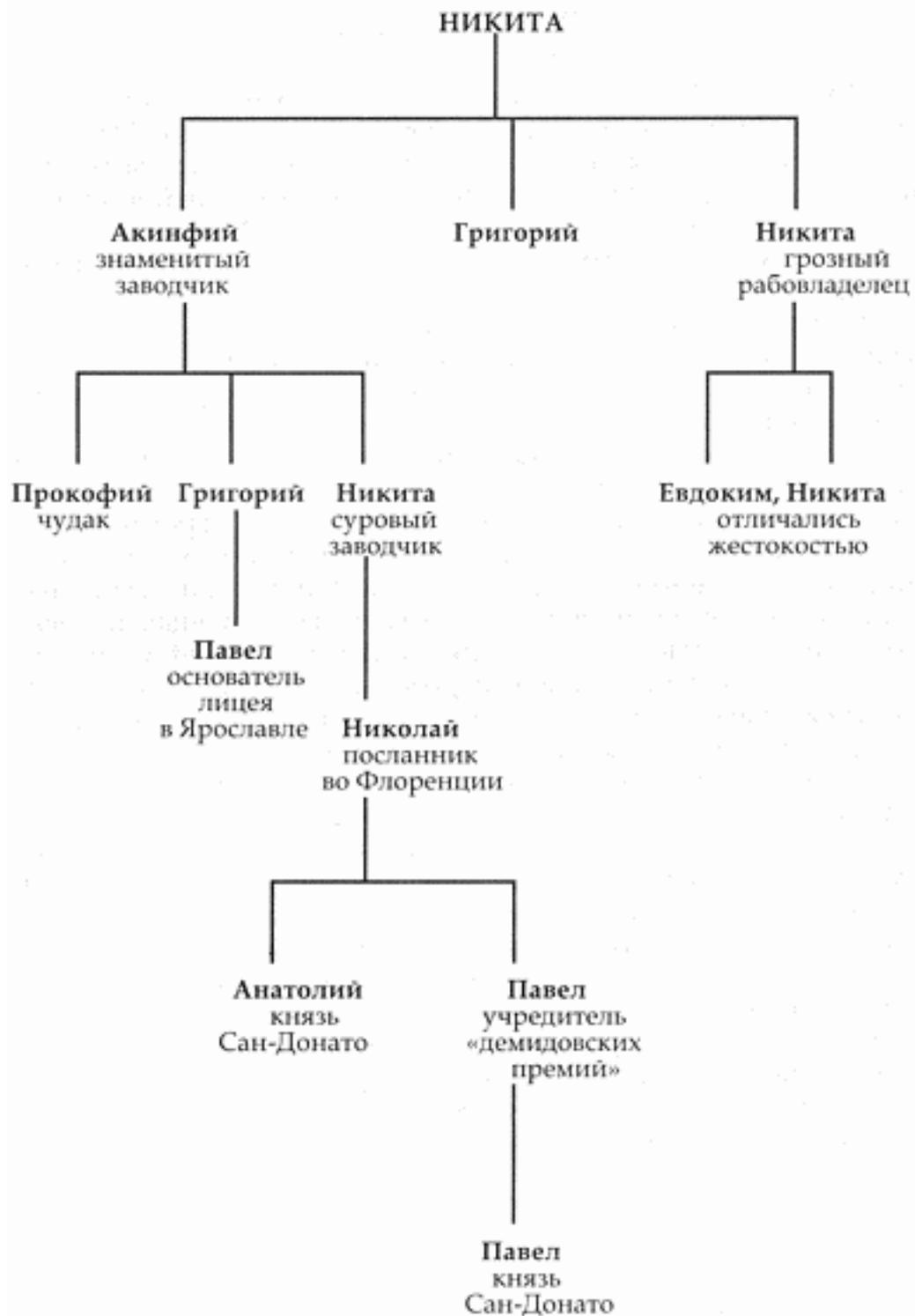
Предисловие

Фамилия Демидовых пользуется громкою известностью. Быстрое возвышение, громадное богатство, широкая благотворительность и большие услуги, оказанные представителями этой фамилии русскому горному делу, а также крайне оригинальные поступки и чудачества некоторых из Демидовых – обращали на себя внимание не только у нас, в России, но и за границую.

Самыми интересными лицами из фамилии Демидовых являются бесспорно ее родоначальники – тульские кузнецы Никита и сын его Акинфий, деятельности которых главным образом и посвящается наше исследование. Эта деятельность, как по характеру первых Демидовых, упрочивших горное дело в России и основавших много новых производств, так и по особенностям Петровской эпохи, представляет огромный интерес. С уральского периода жизни тульских кузнецов, с которым, собственно, и связана их слава и историческое значение, все наше внимание приковывает выступающая на первый план личность старшего сына Никиты – Акинфия, между тем как два младших сына первого Демидова не оставили особенных следов в истории горного дела на Руси. Акинфию, распорядившемуся всем от своего имени и от имени отца, Урал и Сибирь обязаны устройством многочисленных заводов и рудников, а потомки – своими громадными богатствами.

Хотя и другие представители рода Демидовых могут занимать исследователя в том или другом отношении – как основатели заводов, как господа своих крепостных, как богачи, не знавшие, куда девать доставшееся им гигантское наследство, или наконец как “чудаки”, – в связи с интересными общественными отношениями эпох, в которые им приходилось жить и действовать, – но мы, по самым размерам нашего труда, должны остановиться только на наиболее характерных портретах из галереи потомков тульских кузнецов, породнившихся, в лице Анатолия, князя Сан-Донато, с династией Бонапартов.

РОДОСЛОВНАЯ ДЕМИДОВЫХ, о которых упоминается в нашем очерке

Родословная Демидовых, о которых упоминается в нашем очерке

Глава I. Петр Великий и тульские кузнецы

Петровская эпоха. – Титан-царь и бедная Русь. – Горное дело на Руси до Петра. – Основание первого железного завода. – Заботы Петра о горном деле. – Роль “случайных” людей в истории. – Никита и Акинфий Демидовы. – Детство и воспитание их. – Встреча с Петром. – Первые ружья. – Завод в Туле. – Успехи Никиты. – Благоволение царя

Немного найдется таких интересных эпох во всемирной истории, как Петровское время на Руси. С одной стороны, титаническая личность Петра, его непреклонная воля, могучая энергия и самые фантастические планы обновления России, с другой – эта бедная, некультурная страна, затерявшаяся среди болот и топей, измученная татарским гнетом, “собираанием” Москвы, эпохою междуцарствия и недавно миновавшею “разинщиною”, – представляли в своем роде единственный контраст. Для историка-философа, защищающего классический принцип “делания” истории только героями, то есть лицами, одаренными титаническими свойствами, это время, когда могучая воля царя, казалось, решительно двинула косневший в невежестве народ на путь европейского просвещения, представляет великолепный аргумент в пользу его теории. Но и для историка-социолога, представителя боклевского взгляда на историю, эпоха Петра I даст немало материалов в защиту совсем иного положения, что в стихийно, веками слагавшейся жизни масс, как в безграничном море, может исчезнуть или оставить лишь незначительные следы энергия личности, будь эта личность даже гением.

И действительно, титан-царь напрасно будил бедную и больную страну пинками и дубинкой: в ней было еще слишком мало сил для принятия новых веяний, она еще не оправилась от прежних забот. И это единственное, кажется, в мировой истории зрелище, – насаждение европейской цивилизации в полудиком народе, которым были тогдашние русские, при помощи пыток, застенка и казней, – не могло, конечно, сопровождаться лишь одними плодотворными результатами. В муках Петровского переворота, выкупавшись в крови стрелецких казней и беспощадно подавленных бунтов, после судорог сверхъестественных усилий, Русь не обновилась вполне, как желал того гений Петра, и не набралась настолько сил, чтобы верным шагом идти к намеченной Преобразователем цели. Если же Петр был необходимым орудием исторического процесса и первый решительно приобщил Русь к европейскому просвещению, то, с другой стороны, по мнению славянофилов, те нечеловеческие усилия, которые требовались от утомленной страны, та регламентация, наперекор веками сложившемуся строю, даже мельчайших проявлений общественной и частной жизни на западный лад, – регламентация, поддерживаемая угрозами строгих наказаний, как бы надорвали силы государства и, может быть, даже, что реформы Петра, требовавшие такой необычайной затраты неокрепших народных сил, сделали то, что, спустя двести лет после него, мы являемся по-прежнему отсталым народом и далеки еще до полного осуществления желаний царя-работника, прорубившего могучею рукою окно в Европу. Так организм, измученный “переутомлением” и муштровкою в детстве, является в умственном отношении малопродуктивным в эпоху зрелости.

Обширная деятельность предстояла Петру при вступлении на царство. Его изумительной энергии приходилось разбрасываться и поспевать всюду. Пылкий юноша, ставший потом фанатиком идеи немедленного пересоздания России, он, во время путешествия по Европе, знакомится с хорошими порядками, благоустройством, с великими произведениями наук и искусств, и на своей родине находит лишь бедность и невежество. На необъятном пространстве своего отечества он встречает редко разбросанные города с деревянными постройками, похожие на деревни и бедные села. Болота, леса, степи, – не заселенные, плохо

возделанные, – вот его родина. Нет ни школ, ни памятников искусства, ни хорошего войска и флота, ни заводов и фабрик, ни даже хороших ремесленников. И фанатической идее обновления этого веками сложившегося быта и преобразования его в благоустроенное государство приносятся гекатомбы человеческих жертв, и, во славу будущего, в шведской и турецкой войнах, при постройке новой столицы у самого моря, при устройстве многочисленных крепостей, городов и верфей гибнут сотни тысяч “пушечного мяса”.

Горное дело на Руси было в таком же печальном положении, как и другие отрасли государственного хозяйства, и Петру вскоре пришлось почувствовать все неудобства этого. Являясь, по количеству и качеству полезных ископаемых, одною из самых богатейших стран в мире, если не самую богатую, Русь в то же время едва ли не беднейшее государство по предприимчивости и приемам для разработки горных богатств. И, понятно, при Петре I это несоответствие, плохо рекомендуемое культуру страны, являлось еще в более резких формах.

Первые сведения о горном деле в России имеются из эпохи Иоанна III, когда, по свидетельству Карамзина, в бассейне реки Печоры были открыты серебряные и медные руды. Затем в 1571 году Иван Васильевич Грозный просил шведского короля, чтобы тот уступил ему рудное месторождение близ границы, но чем кончилось это ходатайство – неизвестно. Первый завод для выделки железа был построен правительством во время Михаила Феодоровича, в 1628 году, в нынешней Тобольской губернии, – Ницынский. Но, конечно, слово “завод”, – если понимать его в нынешнем значении, когда под этим именем разумеют громадные устройства, стоящие сотни тысяч и даже миллионы, – слишком громко для простой кузницы, которой в сущности являлся вышеуказанный завод и в котором изготовлялось в небольших количествах плохое железо. Подобные кузницы, но только меньших размеров, издавна, впрочем, были известны в России; в них получалось железо прямо из железных руд, в небольших особенного устройства печах. Это, так сказать, “кустарное” производство металла было настолько незначительно, что далеко не удовлетворяло потребностей в нем, и до XVI века наша родина в значительной степени пользовалась привозным железом.

Более определенные указания на появление у нас сравнительно больших заводских устройств, далеких, однако, по своим размерам и средствам от громадных заводов современного промышленного типа, относятся только к концу XVII столетия. Впрочем, как “кустарное” производство, так и вновь устроенные заводы обрабатывали только самый прозаический, но тем не менее самый необходимый металл – железо. Что же касается до получения и обработки более “благородных” металлов, то эта область у нас была в то время почти неведомою. Хотя всевозможные руды лежали чуть не на поверхности почвы, но недостаток предприимчивости, капитала и знания, а также весь строй тогдашней общественной жизни не позволяли ими пользоваться. Даже Уральская горная цепь, протянувшаяся на 700 верст в длину и 150 в ширину и заключающая в своих недрах неисчерпаемые минеральные богатства, оставалась девственною до самой середины XVII столетия, когда на Урале был построен первый чугуноплавильный и железоделательный завод – Пыскорский (1640 год). Вообще говоря, горное дело на Руси даже при Алексее Михайловиче представляло только попытку или случайный промысел и притом в самых бедных размерах. Только уже к концу XVII века правительство, нуждаясь в железе, построило на Урале еще несколько плохих заводов.

И в таком младенческом состоянии было горное дело у нас в то время, когда оно за собою имело в Европе целые столетия. Поневоле приходилось металлы привозить из-за границы и даже железо и сталь русские чуть не до конца XVII века не переставали получать из Швеции (свейское железо), что представляло большие неудобства, особенно во время войны с этим государством, когда эти металлы значительно поднимались в цене и провоз их через границу затруднялся.

Петр I, в своей борьбе со Швецией, испытывал большой недостаток в металлах: известно, что он переливал даже церковные колокола на пушки, чем немало способствовал утверждению за собой в народе названия “антихриста”. Царь поневоле должен был обратить внимание на горное дело, получившее для него такую большую важность. Пришлось, конечно, и здесь обратиться к Европе. Не рассчитывая на доморощенные знания и предприимчивость, Петр выписал из-за границы “рудознатных” мастеров и специалистов по горнозаводскому делу. В числе их был и знаменитый Геннин – основатель заводского дела в Олонецком крае, работавший на Урале, – человек большой энергии и знания.

Но “случайная” встреча Петра с Демидовым поставила вопрос о горном деле на иную почву: она дала толчок частной предприимчивости и послужила причиной к основанию и развитию, – правда, на счет государства и путем больших жертв, – многих заводов в России.

“Случайные” встречи и “случайные” люди играли большую роль в русской истории, как, впрочем, и в истории других малокультурных народов. Известно, что и при Петре I были эти “случайные” люди: “безродный баловень счастья”, могущественный князь Меншиков, человек корыстолюбивый и жестокий, но громадных способностей, был, как известно, возвышен из пирожников; Шафиров и некоторые другие сподвижники царя были людьми низкого звания. Но между “случайными” людьми при Петре I и такими же, например, в царствование Екатерины II – была существенная разница. Между тем, как петровские любимцы редко не оправдывали своими способностями доверия царя и, в случае проступков, многие из них получали суровое возмездие, – при Екатерине II в вершители судеб государства попадали люди совершенно ничтожные в умственном отношении, и послабления государыни делали их безнравственные качества особенно вредными государству.

Такими “случайными” способными людьми при Петре были и оказавшие громадные услуги горному делу в России два тульских кузнеца, Никита и сын его Акинфий Антуфьевы – родоначальники знаменитой горнозаводской “династии” Демидовых, близкие потомки которых были известны всей Европе по своему громадному богатству, мотовству и чудачествам. Правнук тульского кузнеца Акинфия, “великолепный” князь Сан-Дonato, Анатолий, был женат на родной племяннице Наполеона I графине Матильде де Монфор. История Демидовых, начинающаяся грубым кузнецом, работавшим у хозяина за алтын в неделю, и кончающаяся князьями Сан-Дonato, обладателями миллионных доходов, собственниками неопределимых коллекций художественных предметов и владельцами роскошного поместья Медичисов-Пратолино, – могла бы быть интересным сюжетом для какой-нибудь романтической легенды или фантастической сказки.

О детстве Никиты (родился в 1656 году) и Акинфия (родился в 1678 году) Демидовых мы не имеем сведений: история застаёт их уже взрослыми людьми. Мы знаем только, что отец Никиты, Демид Григорьевич Антуфьев, был крестьянин деревни Павшиной, около Тулы, и переселился в город для занятия кузнечной работой; известно еще, что Никита остался малолетним после отца и очень любил свою старую мать, которой, по рассказу Бантыша-Каменского, послал первые 5 алтын, заработанные в Туле, – за то, что “поила и кормила его”. Но мы можем предполагать, что детство будущих богачей прошло в суровых лишениях и тяжелом труде, так как только при подобных обстоятельствах могли выработаться такой могучий характер и та энергия в преследовании раз намеченной цели, какие мы встречаем у Акинфия.

В ту эпоху, когда начали свою деятельность первые Демидовы, ни в общественную жизнь, ни в редкие на ту пору на Руси школы не проникали те начала гуманности, которые составляют достояние последнего времени и осуществляются вполне, может быть, только в далеком будущем. Это был век жестоких нравов, суровых характеров и беспощадного отношения к тем, кто считался виновным и не мог спастись “протекцией”. Самым ярким воплощением этих свойств эпохи является величаво ужасная в своих проявлениях личность

Петра. Многочисленные процессы по “слову и делу” показывают, до чего тогда мало ценилась жизнь человека и какими средствами каралась его “злая воля”. И нам теперь кажутся даже невероятными эти случаи, когда люди, зная, что их ждет, и как бы презирая физические страдания, все-таки кричали страшное “слово и дело”. Застенки лютого Преображенского приказа, где действовали такие люди, как князь Ромодановский и впоследствии Андрей Иванович Ушаков, – были слишком плохой школой для развития гуманных чувств. Понятно, что и первые Демидовы были плотью от плоти и костью от кости тогдашнего общества. По крайней мере, как мы увидим впоследствии, такими рисуют их имеющиеся у нас данные.

Был ли грамотен Никита Демидов – на этот счет не имеется точных указаний: при даче сведений о количестве имеющегося у него железа известному Василию Никитичу Татищеву и в других случаях он приказывал расписываться за себя своим приказчикам и сыну Акинфию. Существуют, однако, указания и на то, что он мог, с грехом пополам, читать и писать. Что же касается Акинфия, то он получил все то образование, которое могла ему дать тульская школа того времени: он умел читать и писать по-церковному, и долго у него еще и впоследствии, когда демидовские заводы производили уже продуктов ежегодно на сотни тысяч рублей, – сумма громадная для того времени, – все записи в торговых и заводских книгах велись церковнославянскими литерами. Не забудем, впрочем, того, что грамота составляла удел немногих в тогдашней Руси: даже знаменитые члены Верховного Тайного Совета, как это видно из подлинных документов, с трудом выводили неуклюжими буквами свои подписи на бумагах. Если и плохо было образование первых Демидовых, как и большинства обитателей России в то время, зато у них была та природная сметливость, которою отличаются многие русские люди, способность к труду, энергия и техническая сноровка, приобретенная личною работою в мастерских.

Относительно того, каким образом Никита сделался известен Петру, существует несколько рассказов. По одному из них, наиболее достоверному, Никита, во время проезда через Тулу какого-то из петровских вельмож (вероятно, Шафиров), не только исправил путешественнику испортившийся пистолет знаменитого оружейника Кухенрейтера, но и сделал другой по тому же образцу, нисколько не уступавший оригиналу. Шафиров тогда же обратил внимание царя на сметливого тульского оружейника. Петр, проезжая через Тулу из Воронежа в 1696 году, хотел заказать несколько алебард по иностранному образцу, и на вызов его явился только один Никита. При этом, по преданию, произошла следующая сцена. Царь, плененный ростом, силою и статностью красивого кузнеца, сказал, обращаясь к окружающим:

– Вот молодец! Годится в Преображенский полк, в гренадеры!

Солдатчина тогда в глазах народа была одним из самых тяжелых наказаний, и немудрено, что Никита повалился в ноги грозному царю и стал просить, ради престарелой матери, помиловать его.

– Если таких 300 алебард сделаешь, то помилую, – сказал Петр.

Кузнец исполнил работу вдвое скорее, чем назначил царь, и получил за нее тройные деньги от Петра, умевшего быть и милостивым.

Существует несколько вариантов рассказа о первой встрече Петра I с Демидовым; но здесь их все приводить нет надобности. Как о всяких событиях, где принимают участие крупные личности, и около этой встречи знаменитого кузнеца со знаменитым царем существует целый круг легендарных сказаний. Вот одно из них, по которому уже не Шафиров, а сам Петр отдал Никите для починки испортившийся пистолет работы Кухенрейтера. Когда кузнец исправил его и принес к царю, то последний обратил внимание на великолепную работу и жалел, что у него нет мастеров, чтобы делать такое оружие.

– И мы, царь, против немца постоим! – сказал Никита.

Царь уже не раз слышал эти ненавистные слова, – “закидаем шапками!” – от своих московских бояр, к тому же он выпил анисовки, и его ретивое не стерпело: он ударил в лицо Демидова и закричал:

– Ты, дурак, сначала сделай, а потом хвались!

– А ты, царь, сначала узнай, а потом дерись! – ответил Никита и подал Петру сделанный им новый пистолет, несколько не уступавший по работе заграничному. Горячий царь смилостивился и извинился перед кузнецом.

Как бы то ни было, но достоверно известно, что Никита вскоре после первой встречи с Петром доставил ему в Москву шесть отлично сделанных ружей и назначил платы по 1 руб. 80 коп. за каждое, тогда как до этого казна платила за них за границу по 12 и даже по 15 рублей за штуку.

Это было во время шведской войны. Понятно, царь обрадовался, что отыскал такого диковинного кузнеца у себя на родине, поцеловал Никиту, подарил ему 100 рублей и сказал: “Постарайся, Демидыч, распространить свою фабрику, я не оставлю тебя!” Петр, не терпевший откладывать дела в долгий ящик, тут же приказал отвести Демидову в 12 верстах от Тулы, в Малиновой Засеке, несколько десятин земли для добывания железной руды и жжения угля.

Таким образом, при помощи царя, увидевшего в Никите предприимчивого и искусного мастера, Демидов построил в устье реки Тулицы большой железный завод с вододействующими машинами и стал поставлять в казну, по дешевым ценам, хороших качеств ружья, не уступавшие иностранным, и в Пушкарский приказ – разные военные снаряды. Царь не забывал своего любимца и в 1701 году дозволил ему увеличить завод, отдал в собственность лежавшие около Тулы стрелецкие земли и для выжигания угля приказал отвести в Щегловской Засеке полосу во всю ширину ее и на пять верст в длину, с исключительным правом копать руду в Малиновой Засеке только одному Демидову. Таким образом, великий царь по отношению к “Демидычу” практиковал “протекционистскую” систему, и завод счастливого кузнеца был вполне обеспечен и материалами, и сбытом своих произведений.

Впрочем, Петр, ставя всегда полезные для государства меры на первый план и не стесняясь прежними своими распоряжениями, скоро запретил “Демидычу” рубить в Щегловской Засеке клен, дуб и ясень, необходимые для постройки многочисленных кораблей. Это обстоятельство, затруднявшее заводчика вследствие недостатка необходимого горючего материала, послужило причиной события, которое и выдвинуло Демидова на вид, доставило ему в истории горного дела России одно из самых почетнейших мест и, вместе с тем, дало фамилии Демидовых то колоссальное богатство, которое могло обеспечить их царскую роскошь.

Если бы Демидовы ограничились только своею деятельностью в Туле, то, вероятно, история не имела бы в них в своем роде героев, создавших и упрочивших на Руси целую отрасль государственного хозяйства. Руды около Тулы были не особенно высоких качеств, и производительность тульского завода не могла быть значительною. Демидовых ждал к себе почти девственный и пустынный Уральский хребет со своими знаменитыми горами, состоящими из сплошной великолепнейшей руды, с неисчерпаемыми и разнообразными минеральными богатствами, с чудесными золотыми и платиновыми россыпями... А за Уралом были сибирские степи и горы, еще более пустынные и ждавшие предприимчивых пионеров. Там было где развернуться тульским кузнецам! И история, в которой мерилom значения личности и ее геройских свойств является, – что бы там ни говорили историки, – во многих еще случаях, достигнутый личностью в ее начинаниях внешний успех, – имеет полное право вписать в свои скрижали имена первых Демидовых: их успех на Урале был громаден.

Глава II. Урал и его пионеры

Уральские горы. – Их богатства. – Постройка Невьянского завода. – Обед с кузнецами. – Отдача заводов Демидову. – “Правые слезы” и “обидные вздыхания”. – Приписка крестьян к заводам. – “Протекционизм” Петра. – Старый дом в Невьянке. – Портрет Никиты. – Страшная башня. – Легенды и предания. – Никита – комиссар и дворянин. – “Крапивное семя”. – Доносы на Демидова. – Дешевые цены изделий. – Подарок на “зубок” царевичу. – Судходство и судостроение

Уральская горная цепь, разделяющая Европу от Азии, давно была известна своими минеральными богатствами и в руках знающего горное дело и предприимчивого населения могла бы давно уже давать громадное количество металлов. В ее недрах и в долинах ее речек встречаются, без преувеличения, все представители минерального царства, начиная с каменного угля и кончая алмазами. В целом мире не найдется таких богатейших месторождений железной руды, – которой хватит на целые века, – как уральские горы Магнитная (Высокая) и Благодать. Эту отдаленную окраину русского государства, к которой с запада примыкали башкирские степи с диким кочевым населением и за которой начиналась уже Сибирь, – место ссылки и заточений, – суждено было оживить Демидовым. Хотя на Урале и были построены казенные заводы еще при Алексее Михайловиче, но они работали крайне неисправно, часто останавливались, изделия их обходились дорого и производительность была ничтожною.

В 1696 году верхотурский воевода Протасьев представил Петру Великому образцы магнитной руды с речки Тагил и железной – с реки Нейвы. Царь послал ее испытать за границу, в Амстердам, к тамошнему бургомистру, знатоку горного дела, и в Ригу. Часть кусков была передана и Демидову. По испытании руды оказались превосходных качеств и содержали большое количество железа. А Демидов, приготовив из полученной руды несколько ружей, замков и бердышей, объявил, что невянское железо не хуже “свейского” (шведского), пользовавшегося европейской известностью. Царь, у которого дело, что называется, кипело в руках, построил в 1698 году завод на Нейве. Полученное в 1702 году железо было испытано на Пушечном дворе, а также и Демидовым, который приобрел уже в глазах Петра значение опытного советника; железо было найдено по-прежнему превосходным.

Тогда-то в голове смелого тульского кузнеца, – особенно ввиду запрещения получать лес около Тулы, – и родилась мысль перенести свою главную деятельность в далекий, пустынный, но богатый край.

По одному из современных рассказов, царь был в Москве и сидел за обед со своими приближенными, когда ему доложили о приходе Демидовых – Никиты и сына его Акинфия, которого Петр уже и раньше знал. Кузнецы были в простых “кожанах”, но царь-работник не знал этикетов и посадил “Демидыча” с сыном за свой стол. Никита стал просить об отдаче ему Невьянских заводов, и царь согласился на его просьбу.

Что побудило Петра согласиться на отдачу в частные руки, за ничтожное вознаграждение казне, богатейших рудных месторождений, заводов и сотен тысяч десятин земли? Главною причиною являлось, кажется, то обстоятельство, что заводы, при казенном управлении, действовали неисправно и стоили дорого, а между тем Демидов приобрел большое доверие и любовь царя: он был одним из тех предприимчивых и искусных людей, которых так любил Петр и которых у него так мало имелось в государстве.

Как бы то ни было, но, по поданной в Сибирский приказ просьбе Демидова, заводы на Нейве и Тагиле (Невянские и Верхотурские), с громадными пространствами лесов и земель, со знаменитою горою Магнитною, – грамотою 4 марта 1702 года были отданы просителю.

Со времени этой-то отдачи заводов “Никите Демидову” (как писалось в грамотах) тульский кузнец, вместо прежнего прозвища – Антуфьев, – именуется уже Демидовым.

За все полученное богатство Никита должен был уплатить казне, в течение пяти лет, железом, по условной цене, стоимость заводов, что он и сделал гораздо скорее: в три года.

Этот знаменитую грамоту, – которую представители рода Демидовых должны бы были начертать на золотых скрижалях, как самый драгоценный документ в их архивах, – Никите дано было дозволение, распространенное и на других заводчиков, покупать для заводов людей и отводить им земли. Право это, ввиду того обстоятельства, что в глухих местностях Урала и других русских окраинах было мало вольных рабочих, являлось крайне важным для заводчиков и послужило основанием к созданию тех колоссальных богатств, которые были составлены торгово-промышленными людьми вроде Походяшина, Твердышевых и Баташева. Это, так сказать, “заводское” рабство было одною из тяжелых его разновидностей. И не нужно особенных усилий воображения, чтобы представить себе печальную картину переселения и “своза” целых масс крестьянства, отрываемого от родины и привычных занятий для работы в дремучих лесах Урала и тундрах Сибири.

С получением уральских заводов Демидовыми личность Акинфия выступает на первый план и заслоняет собой Никиту. Этому энергичному и суровому человеку, но дельному хозяину и неутомимому предпринимателю Россия обязана устройством большого количества заводов, а также открытием многочисленных и разнообразных рудников, а фамилия Демидовых – своим историческим богатством.

Сам Никита, изготовляя в Туле в 1702 году для Петра, воевавшего со Швецией, 20 тысяч ружей, не мог отправиться в свои новые владения, и его поверенный в мае 1702 года принял Невьянские заводы. Затем немедленно туда же, в сопровождении 12 лучших тульских мастеров, отправился и Акинфий, бывший потом единственным распорядителем заводов. В июне того же года сам Никита ненадолго съездил на Урал.

Петр в конце этого же 1702 года послал на Невьянские заводы думного дьяка (по нынешнему статс-секретарь) Виниуса, знатока и любителя горного дела, осмотреть заводы и преподать инструкции заводчику. В грамоте, переданной Виниусом Демидову, заключалось много интересного и указывалось на то, чего ждет царь от своих подданных. “Памятовать тебе, Никите, что такие тебе заводы отданы, – говорилось в грамоте, – у руд, каковых во всей вселенной лучше нет, за твою верную службу. А при заводах – леса, земли, хлеба, живности”. Грамота красноречиво напоминала Демидову о смертном часе, когда о всех “содеянных делах пред престолом Божиим будет всем нелицемерное истязание, а потом, по благих делах, вечное блаженство, а по лживых – нескончаемое мучительное осуждение последует”. В грамоте указывалось и на то, что Никита обещался исправно и дешево ставить в казну воинские припасы; в заключение эта же знаменитая грамота давала право Никите наказывать ленивых заводских людей, но с тем, чтобы он “не навел на себя правых слез и обидного вздыхания, что пред Господом – грех непростительный”. Увы, это гуманное пожелание не осуществилось: много тяжелых страниц включает в себе история заводского дела на Руси и много на заводах Демидовых проливалось “правых слез” и слышалось “обидных вздыханий”!

Вероятно, дружноладили Демидовы с Виниусом, потому что результаты поездки последнего были очень благоприятны заводчикам. Не находя вольных рабочих и не имея еще много своих крепостных, – между тем как заводское дело расширялось, – Демидовы просили царя о приписке к заводам окрестных сел и деревень, и Петр, убедившись в полезной деятельности Демидовых, “для умножения их заводов”, 9 января 1703 года приказал приписать к ним на работу Аятскую и Краснопольскую волости и монастырское село Покровское с деревнями (в Верхотурском уезде), со всеми крестьянами и угожьями. За эту щедрую

подачку Демидовы платили ежегодно железом ту сумму, которая вносилась прежде крестьянами приписанных сел в казну и монастырь.

Таким образом, Демидовы, по милости царя, приобрели за бесценок заводы и сделались владельцами богатейших в свете рудных месторождений, громадных пространств леса, земель, бесчисленных угодий; в их власть были отданы “приписные”, а, благодаря покупкам, заводчики сделались собственниками тысяч душ крестьян. Купленные к заводам крестьяне составили впоследствии, как и у других владельцев, особую разновидность “рабов”, крепких не господам, а заводам. Понятно, что это юридическое подразделение живой собственности несколько не могло отразиться выгодно на новой разновидности крепостных и их положение было еще тяжелее, чем в других формах крепостной зависимости.

Говоря о громадных льготах, дарованных Демидовым, не нужно забывать еще и того, что заводчикам не приходилось искать рынка для сбыта своих произведений: этим рынком была вся Россия, нуждавшаяся в железе, а также и казна, куда благодетельствованные кузнецы ставили в продолжение десятков лет военные припасы, железо и сталь. Правда, пожалование заводов обязывало их ставить припасы в казну дешевле прочих заводчиков, но так как Демидовы могли получать свои продукты при минимальных издержках производства, то они и при дешевых ценах на изделия брали большие барыши. Нужно еще принять во внимание и то обстоятельство, что у владельцев невянских богатств было мало конкурентов: до них частных заводчиков было немного и только удачный пример Демидовых заставил броситься на Урал целые толпы предприимчивых людей, в числе которых немало было и авантюристов.

Петр оказался самым крайним протекционистом и не жалел жертв для того, чтобы создать горную промышленность на родине. Жертвы эти были громадны: лучшие горные места, представлявшие драгоценное достояние государства, перешли к частным лицам; сотни тысяч крестьян, при Петре I и его преемниках, на многие годы были закрепощены заводами. Перед такими льготами кажутся игрушкой самые высокие нынешние протекционистские тарифы. И, кажется, трудно особенно осуждать за это великого царя, положившего начало такой горной политике. Бывают исторические моменты, когда представляются необходимыми для возникновения и упрочения промышленного дела большие льготы и жертвы. Без этих льгот и жертв, вероятно, многие богатства страны были бы, так сказать, лишь в потенциальном состоянии. Франция, при помощи протекционистской торговой политики Кольбера, создала и упрочила свои великолепные мануфактуры. Да и вообще говоря, государство, как Левиафан, в историческом процессе своего роста поглощает немало жертв. Это, кажется, жестокий и непреложный закон судьбы, по крайней мере при современном типе общества:

*Даром ничто не дается: судьба
Жертв искупительных просит!*

Но, понятно, мы далеки от того, чтобы оправдывать жертвы со стороны государства при условиях, когда производство уже создано и упрочилось и когда льготы, оказываемые частным лицам, являются только премиєю за отсутствие предприимчивости и энергии у наших капиталистов, привыкших брать громадные барыши и не старающихся ни об улучшении техники, ни об отыскании новых рынков для сбыта товаров. При такой льготной политике обыкновенно забывается потребитель, который должен платить гораздо дороже за продукты производства, окупая своими “животами” лень наших буржуев.

Говоря о петровских льготах, мы все-таки должны отметить то обстоятельство, что многие заводчики, по неумению и отсутствию предприимчивости, прогорали: они, так сказать, почивали на лаврах, не хотели усиленно работать, и дело их погибало. Но не таковы

были Демидовы, – мы теперь обратимся к их деятельности на новом месте, на Урале, доставившей им в истории горного дела на Руси почтенную и заслуженную известность.

Акинфию, старшему сыну Никиты, было 24 года, когда он сделался полным хозяином уральских заводов. Хотя имя Никиты и упоминается в актах, относящихся к деятельности этих заводов, но всем в сущности заведовал Акинфий, так как отец больше проживал в Туле, где были и два его младших сына, или хлопотал по делам в Москве и Петербурге. Первое время, впрочем, он довольно долго оставался в своей уральской столице – Невьянском заводе, расположенном на реке Нейве, в 83 верстах от теперешнего Екатеринбурга. До сих пор еще стоит в этом заводе каменный дом, построенный неладно, но крепко тульскими кузнецами. От его стен и всей обстановки веет глубокою стариною. Все сделано из дуба, камня и железа. В доме ничто не изменилось за истекшие два столетия: толстые стены и узкие окна придают ему вид крепости. Комната, где жил Никита во время приездов в Невьянск, была устроена в акустическом отношении так, что владельцу все, говорившееся в доме, было слышно. Старый кузнец, бывший в молодости шутником и весельчаком, уже, видимо, почуял ревность к власти и приобретал привычки деспота. Акустическая комната выдавала ему виновных и их постигали суровые наказания. Старик был крутого нрава и не терпел ослушников и ленивых.

В одной из комнат старого дома до последнего времени находился портрет Никиты Демидова. Редко попадаются такие характерные лица: кузнец жилистою и мозолистою рукою придерживает кожан, другую – опирается на костыль; суровое лицо, с сумрачными глазами, глубоко сидящими в орбитах, напоминает худобою и желтизною лица аскетов. Этот портрет снят уже со старого Никиты, когда житейские бури и треволнения успели избородить лоб его глубокими морщинами.

Впоследствии Акинфий Никитич построил в Невьянске высокую каменную башню, теперь от времени наклонившуюся и исполняющую скромное назначение пожарной каланчи. Под башнею есть кладовые и подземелья со многими ходами. В те далекие времена жестоких нравов и господства грубой силы подземелья башни исполняли далеко не мирную миссию. Они были застенком, где пытали подозреваемых и виноватых, и тюрьмою для осужденных. А для многих они были и могилою. Эта знаменитая башня (28 сажень высоты) пользовалась печальною славою в народе. По преданиям и рассказам старожилов, в ней замуровывали людей и держали в колодках и цепях опасных супротивников. Много могла бы передать страшных легенд эта башня, служившая, как увидим ниже, Акинфию монетным двором для чеканки монеты, когда он открыл знаменитые алтайские серебряные рудники. Во время наезда ревизоров для открытия на заводах беглых, туда, в подземелья башни, запирали ссыльных и каторжных, – которых уж никак нельзя было показать за купленных крестьян, так как у них были клейма и вырезаны ноздри, – и спускали, если нужно, из шлюзов Невьянского пруда воду, чтобы схоронить концы и не отвечать перед властями.

У Акинфия закипела работа: застучали на безмолствовавших прежде Верхотурских заводах сотни молотов, задымились печи. В течение своей деятельности на Урале Акинфий, вместе с отцом и один, построил не менее 10 железодельных и чугуноплавильных заводов, из которых некоторые, как, например, Нижнетагильский, по своим изделиям приобрели громкую европейскую известность. Демидовское сортовое железо, точно так же как и яколевское листовое, до сих пор еще имеет мало соперников.

Прежде, при казенном управлении, Верхотурские заводы работали, с грехом пополам, в год 10 – 20 тысяч пудов железа, между тем как при Акинфий на его заводах получалось в иные годы до 600 тысяч пудов чугуна, из которого выделялось до 350 – 400 тысяч пудов железа, что для того времени было громадною величиною. Чтобы охарактеризовать деятельность Демидовых по заводскому делу на Урале, можно указать на следующее: в пределах нынешней Пермской губернии во 2-й половине XVIII века считалось всего 65 чугунопла-

вильных и железных заводов, между тем как в течение того же столетия одним Никитой Демидовым и его потомками основано в той же местности не менее 30 железных и медных заводов. А в наше время только Нижнесалдинский и основанный Акинфием Нижнетагильский заводы дают ежегодно до 900 тысяч пудов превосходного чугуна каждый.

Новые заводы исправно поставляли по дешевым ценам в казну большие количества военных припасов, пушек и “фузей”. При отправке на уральские заводы Никите было дозволено, между прочим, взять по выбору двадцать лучших посадских кузнецов из Тулы. У него же на заводах работали ссыльные поляки и шведы, из которых потом образовалась особая слобода при Невьянском заводе.

Вероятно, эти опытные в горном деле пленники помогли Демидовым поставить дело, при тогдашних младенческих приемах техники, на достаточную высоту и достигнуть не только известной прочности, но и изящества в изделиях. В Невьянске была и пушечная сверлильня, так как Никита взял громадный для того времени заказ на несколько сот пушек, необходимых для ведения войны со “шведом”.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.